Остроумов Иван Григорьевич

Вогулы-манси

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

Иван Григорьевич О.
И17 Вогулы-манси / Остроумов Иван Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 52 с.

ISBN 978-5-521-26816-0

ISBN 978-5-521-26816-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Матеріалы для изученія народностей обширнаго Уральскаго Края въ этнографическомъ отношеніи, въ отношеніи различія или сходства однѣхъ народностей съ другими народностями или племенами, начали появляться со времени первыхъ же путешествій русскихъ и иностранцевъ на Уралъ и въ далекую, дикую тогда, Сибирь, но, разумѣется, въ этихъ матеріалахъ мало достовѣрнаго, много преувеличеннаго или неправильно понятаго и объясненнаго[1]).

Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ нынѣшнюю Пермскую губернію и зауральскія страны, относятся уже къ тому времени, когда эти страны заселились русскими, приходившими съ аборигенами въ болѣе или менѣе близкія и непрерывныя отношенія, но это были все же лишь личныя свѣдѣнія, доступныя ограниченному числу лицъ и достовѣрность ихъ могла страдать при передачѣ отъ одного лица другому.

Для всѣхъ интересующихся этнографическія свѣдѣнія о народахъ Уральскаго Края стали доступны лишь послѣ спеціальныхъ путешествій съ научною цѣлію извѣстныхъ членовъ россійской академіи наукъ—Георги, Лепехина и особено Палласа, провѣрившихъ всѣ эти свѣдѣнія, дополнившихъ ихъ и опубликовавшихъ въ многотомныхъ сочиненіяхъ съ пояснительными рисунками и чертежами.

И послѣ этого было не мало путешественниковъ, пріѣзжавшихъ лично изучать, такъ называемыхъ, *инородцевъ* пермской губ. (напримѣръ, профессора Казанскаго Университета г г. Сорокинъ, Маліевъ и иностранные ученые), но по краткости времени изу-

---

[1]) Примѣромъ этого можетъ служить «Сказаніе о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточныхъ странѣхъ», помѣщенное въ изданіи московскаго археологическаго общества съ остроумными поясненіями проф. Анучина, а также, такъ называемые, „Хронографы“ съ ихъ разсказами о людяхъ съ песьими головами и т. п.

ченія и случайности собранныхъ данныхъ (безъ строго обдуманной программы), при незнаніи инородческихъ языковъ, отчеты объ этихъ поѣздкахъ не представляютъ значительнаго научнаго интереса и мало помогли разъясненію темныхъ вопросовъ уральской этнографіи.

Усиленное вниманіе къ народцамъ пермскихъ Пріуралья и Зауралья было привлечено въ 1887 г. научно-промышленною выставкою въ Екатеринбургѣ, на которую были собраны представители главнѣйшихъ народностей губерніи, не говоря уже о коллекціяхъ предметовъ ихъ быта и цѣнныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ инородцевъ и пунктахъ ихъ жительства.

Благодаря этому, означенная выставка привлекла не мало не только русскихъ, но и иностранныхъ этнографовъ, сдѣлавшихъ изъ Екатеринбурга спеціальныя поѣздки къ тѣмъ или другимъ, смотря по интересу, племенамъ.

Такъ, итальянецъ Сомье посѣтилъ башкиръ, нѣмецъ Рело-черемисъ и т. д., а о результатахъ своихъ поѣздокъ они издали книжки.

Въ это же время заинтересовался инородческими племенами Пермской губ. и я, изучая въ музеѣ уральскаго общества этнографическія коллекціи и документальные матеріалы, собранные для выставки, но лежавшіе безъ изученія. Однако разобравшись въ этомъ матеріалѣ и изучивъ русскую литературу, касающуюся даннаго вопроса, а также запасшись личными впечатлѣніями о нѣкоторыхъ инородцахъ губерніи, я былъ пораженъ результатами. Не смотря, напримѣръ, на сравнительно богатую литературу о вогулахъ (болѣе 30 книгъ и статей)[2]), оказалось, что не изслѣдованнаго и неизученнаго относительно ихъ—едва-ли не болѣе, нежели изученнаго! Не оказалось не только словаря и грамматики вогульскаго языка, но едва можно было во всѣхъ источникахъ собрать

---

[2]) Списокъ ихъ прилагается къ настоящей статьѣ. Позднѣе появились еще работы въ этомъ направленіи, очень цѣнныя, но все еще недостаточныя. (Напр. г. Глушкова—въ «Этногр. Обозрѣніи» и отдѣльною брошурою).

нѣсколько десятковъ словъ да и то записанныхъ разными авторами до неузнаваемости различно; антропологическія свѣдѣнія объ этомъ любопытномъ племени ничтожны, а матеріалы о духовной жизни его и религіозныхъ возрѣніяхъ совершенно, можно сказать, отсутствовали.[3])

Крайне неопредѣленны также свѣдѣнія о племенномъ взаимоотношеніи вогулъ къ другимъ племенамъ, напр. къ остякамъ и особенно, такъ называемымъ, остякамъ *ляпинскимъ*, представляющимъ едвали не одно и тоже племя съ вогулами, разнящееся, кажется, только нарѣчіемъ.

Слишкомъ отрывочны и случайны историческія свѣдѣнія о вогулахъ, а также крайне бѣдны русскіе музеи коллекціями предметовъ быта вогулъ, по которымъ можно было бы знакомиться съ ихъ костюмомъ, домашней обстановкой, жилищами, занятіями и т. п.

Все это и привело меня къ выводу о необходимости настойчиво пропагандировать мысль о снаряженіи къ остающимся еще первобытнымъ вогуламъ широко поставленной во всѣхъ отношеніяхъ, строго научной экспедиціи, такъ какъ таковая была-бы уже, вѣроятно, послѣднею за быстрымъ исчезновеніемъ племени.

Первоначально эта мысль высказана мною въ общемъ собраніи уральскаго общества любителей естествознанія въ мартѣ 1889 г., причемъ я предложилъ обществу обратиться съ ходатайствомъ объ организаціи экспедиціи или въ Императорское Географическое общество или въ Академію наукъ, съ тѣмъ, чтобъ и представитель уральскаго общества могъ участвовать въ проектируемой экспедиціи, но такъ какъ общество такого ходатайства не возбудило, то я повторилъ свое предложеніе на географической секціи VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ январѣ 1890 г., при чемъ какъ

---

[3]) Единственная печатная работа по этому вопросу, извѣстная мнѣ, принадлежитъ Гондаттти: „Слѣды язычества у инородцевъ Сѣверо-Западной Сибири“, но относиться къ ней нужно крайне осторожно да и касается она болѣе остяковъ, нежели вогулъ. Г. Гондатти даже въ названіи вогулъ—манси допускаетъ грубую ошибку, называя ихъ мансы, между тѣмъ какъ буква *з*, повидимому, совершенно чужда вогульскому языку.

секція, такъ и общее собраніе съѣзда приняли мое предложеніе единогласно, присоединивши къ изученію вогулъ и изученіе остяковъ.

При составленіи, по просьбѣ уральскаго общества любителей естествознанія, этнографической карты Пермской губ. для географической выставки въ Бернѣ въ 1891 г., я въ объяснительной запискѣ къ этой картѣ вновь подчеркнулъ необходимость вышеупомянутой экспедиціи.

Но такъ какъ въ ближайшемъ же своемъ годовомъ отчетѣ Императорская академія наукъ заявила, что она лишена возможности снарядить экспедицію къ вогуламъ и остякамъ въ виду отсутствія компетентнаго лица, которое можно бы поставить во главѣ этой экспедиціи, а этнографическая карта Пермской губ., попавшая съ выставки въ Швейцаріи на этнографическій отдѣлъ 1-й всероссійской гигіенической выставки въ С.-Петербургѣ (гдѣ была удостоена малой серебрянной медали), послѣ этой выставки затерялась, а самъ я попалъ за это время въ новыя условія жизни, лишившія меня на долго возможности продолжать занятія этнографіей Урала, то всѣ собранные мною матеріалы и личныя наблюденія и оставались безъ обработки.

Въ началѣ 1903 г. пріѣзжавшій въ Пермь и, между прочимъ, посѣтившій Пермскій музей преосвященный Екатеринбургскій Никаноръ, узнавши, что я имѣю матеріалы по изученію вогулъ, сообщилъ, что онъ очень интересуется этимъ исчезающимъ племенемъ и предполагаетъ воспользоваться желаніемъ одного молодого человѣка провести два года среди вогулъ и снабдить его для этого матеріалами и средствами — съ тѣмъ, чтобъ потомъ этотъ самоотверженный изслѣдователь былъ поставленъ во главѣ особой миссіи, какъ съ цѣлію сдѣлать вогулъ истинными христіанами, такъ и съ цѣлію оказывать имъ всяческое содѣйствіе къ ихъ просвѣщенію и матеріальному благополучію.

Въ виду этого преосвященный Никаноръ просилъ дать ему возможность ознакомиться съ имѣющіеся у меня матеріалами о вогулахъ.

Съ удовольствіемъ исполняю я такую просьбу, наскоро обра-

ботавъ матеріалы и печатая ихъ, такъ какъ намѣреніе епископа Никанора клонится къ осуществленію и моего давнишняго желанія: содѣйствовать изученію вогулъ и этимъ помочь имъ въ ихъ тяжелой борьбѣ за свое существованіе...

1903 г.

I.

Исторія вогулъ и статистика ихъ.

Вогулы, называющіе себя *манси*, принадлежатъ, вмѣстѣ съ многими народами, разсѣянными по восточной половинѣ Европы и сѣверо-западной части Азіи, какъ-то: пермяками, вотяками, эстами, венграми (мадьяры) и друг. къ весьма обширному финскому племени. Но долгое время типъ ихъ не былъ изученъ и изслѣдователи, а особенно путешественники, смѣшивали манси, напримѣръ, даже съ самоѣдами, принадлежащими къ монгольскому племени, а потому болѣе осторожные наблюдатели предпочитали называть вогулъ, вмѣстѣ съ другими обитателями сѣвера Азіи, *урало-алтайскими племенами*, т. е. по мѣсту обитанія, безъ отношенія къ тому или иному племенному типу.

Родство вогулъ съ венграми, особенно по языку, а также съ другими финскими племенами давно уже констатировано обстоятельными трудами финскихъ и венгерскихъ ученыхъ (Альквистъ, Аспелинъ, Регули, Гунфальви, Мункачи и др.), изъ которыхъ первые составили въ Гельсингфорсѣ даже особое ученое общество,— «финно-угорское», посвященное изученію финскихъ племенъ, а вторые лично изучали вогулъ и остяковъ, живя среди нихъ долгое время (Регули провелъ 2 года въ 1843 и 1844 г.) и даже пользуясь своимъ родпымъ языкомъ при сношеніи съ такъ далеко и подъ другими широтами живущими сородичами.

Объясненіе послѣдняго факта можно найти въ теоріи выхода народовъ Европы изъ глубинъ Азіи и постепеннаго ихъ передвиженія въ ту или другую сторону подъ вліяніемъ физическихъ, экономическихъ и другихъ факторовъ.[4])

[4]) Въ частности, время выхода мадьяръ съ Сѣвернаго Урала, а такимъ образомъ и отдѣленія ихъ отъ сородичей вогулъ и остяковъ, относятъ къ IX вѣку. Смотр. любопытную статью Дапилевскаго и Грота. „О пути мадьяръ въ Лебедію“. («Изв. Имп. Рус. Геогр. Об—ва» 1883 и XIX, вып. 3).

Вогулы—манси—это та группа финскихъ народностей, которую исторія застала обитающею на обоихъ склонахъ Сѣвернаго Урала почти въ предѣлахъ собственно Пермской губерніи.

Близко родственная съ ними въ этнографическомъ отношеніи племенная вѣтвь, отличающаяся только нарѣчіемъ, но обитающая на сѣверѣ сосѣдней съ Пермской—Тобольской губ., носитъ уже названіе остяковъ.

Первоначально въ исторіи вогулы фигурируютъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими племенами, подъ именемъ «Угровъ» или «Югры», т. е. обитателей Угоріи или страны, ограничиваемой:—съ востока р. Обью, съ запада—Печерой, съ юга—верховьями этой рѣки и съ сѣвера 65° сѣвер. широты.

Несомнѣнно, что вогулы прежде были значительнымъ народомъ, управлявшимся, вѣроятно, совмѣстно съ остяками, своими князьями, изъ каковыхъ напримѣръ извѣстны: Асыкъ, взятый въ плѣнъ въ 1467 году, Юшманъ, Кальпъ и друг., а также князь югорской земли Молданъ, и съ этимъ народомъ долго и упорно пришлось бороться Русскому Государству въ его поступательномъ движеніи на востокъ.

Такъ, въ 1187 г. новгородскіе сборщики дани *въ Перми и Югрѣ* были побиты, вслѣдствіе чего въ 1193 г. Новгородъ послалъ цѣлую рать подъ начальствомъ воеводы Ядрѣя, которая встрѣтила въ Югоріи укрѣпленные города. Одинъ изъ нихъ новгородцы взяли, а подъ другимъ потерпѣли пораженіе—столь сильное, что изъ всей рати осталось въ живыхъ только 80 человѣкъ, возвратившихся домой въ 1194 г. Подъ предводительствомъ названнаго выше Асыка, при нападеніи въ 1455 г. на Усть-Вымь, убитъ епископъ Питиримъ. Іоаннъ III-й въ виду того, что татары, вогулы и остяки дѣлали частые набѣги на русскихъ новосельцевъ Пермской страны, грабили ихъ, жгли дома, а жителей убивали или брали въ рабство, рѣшился покорить ихъ, почему лѣтомъ 1481 г. послалъ противъ нихъ Андрея Мишнева «съ шильники и устюжаны», которые и побили вогулъ подъ Чердынью. Въ 1483 г. вновь былъ посланъ кн. Ѳед. Курбскій и Салтыковъ съ полками, которые встрѣтили вогуличей на устьѣ

Пелымя и разбили ихъ, потерявъ 7 челов. и далеко проникли по Тавдѣ въ Югорскую землю, гдѣ «взяли въ плѣнъ главнаго югорскаго князя Молдана и другихъ». Даже въ XVI столѣтіи этотъ народъ занималъ еще берега рѣкъ: Лозвы, Сосвы, Тавды и Конды и неудивительно, поэтому, что при покореніи Сибири, хорошо вооруженной по тому времени дружинѣ Ермака пришлось вступать съ нимъ въ серьезныя сраженія. Такъ, первымъ дѣломъ Ермака по приходѣ къ Строгановымъ было: «разбили на голову мурзу Бегулія, дерзнувшаго съ 680 вогуличами и остяками грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой». Много позднѣе этого, состоя въ подданствѣ русскаго царя, вогулы еще нерѣдко дѣлали воинственные набѣги на русскія поселенія и небольшія крѣпосцы, напримѣръ, извѣстны нападенія ихъ на Усолье, Соликамскъ, Чердынь, гдѣ и сейчасъ есть общая могила убитыхъ во время подобнаго нападенія. Пермскіе князья Михаилъ и Іоаннъ убиты вогулами.

Въ числѣ жителей городовъ: Верхотурья, Туринска, Тобольска, Пелыма, Березова, при ихъ основаніи, значились и вогулы или вогуличи. Какъ извѣстно, гора Благодать, знаменитая количествомъ и богатствомъ желѣзной руды, указана была вогуломъ Степаномъ Чумпинымъ, жителемъ находящейся вблизи этой горы деревни.

О пребываніи когда то вогулъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ названія рѣкъ и урочищъ по вогульски или именемъ вогулъ, напр. «Вогулка», которыхъ въ Пермской губ. Чупинъ въ своемъ «Словарѣ» указываетъ 4 (стр. 333 и 334).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ нужно думать, что занимаемое вогулами въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губ. пространство земли было очень обширно [5]) и не мало времени понадобилось, чтобы сократить его и заставить ихъ или слиться съ

---

[5]) Хотя я не согласенъ, чтобъ поселенія вогуловъ доходили до Чусовой, гдѣ ихъ будто бы видѣли первые путешественники за Уралъ. Я полагаю что вогулами въ данномъ случаѣ ошибочно названы какіе либо другіе племена, по всей вѣроятности, татарскія. Такія ошибки, оффиціально санкціонированныя, существуютъ и сейчасъ а прежде были неизбѣжны.

русскимъ населеніемъ или перекочевать въ предѣлы нынѣшней Тобольской губ. къ родственнымъ вогуламъ—остякамъ.

Стѣсненіе и притѣсненія русскихъ заставляли вогулъ довольно часто обращаться за защитой къ русскому правительству, но долгое время эта защита выражалась только на бумагѣ, «грамотами» мѣстнымъ властямъ, въ которыхъ предписывалось обращаться съ вогулами кротко и не брать съ нихъ лишняго ясака, а также торговать съ ними не по юртамъ, а въ Верхотурскомъ Гостинномъ дворѣ.

До 1599 г. управленіе вогулами находилось въ городкѣ Лозьвинскѣ, но такъ какъ къ этому времени ихъ оказалось по сосѣдству мало, то городокъ этотъ упраздненъ, а управленіе вогулами возложено было на воеводъ Верхотурскаго и Пелымскаго.

Въ 1607 г. дана грамота, опредѣляющая ясачный окладъ съ вишерскихъ вогулъ: по 5 соболей съ человѣка, а со всѣхъ 35 челов. „4 сорока и 15 соболей“. О размѣрѣ ясака съ вогулъ Верхотурскаго у. имѣются въ «Пермской Лѣтописи» (Шишенко) подъ 1620 г. слѣдующія свѣдѣнія: «съ ясашныхъ вогуловъ Верхотурскаго у. собрано: соболей 27 сороковъ и 19 штукъ; куницъ 3 сорока и 23 штуки, чернобурая лиса, красныхъ лисицъ 46 штукъ, бобровъ 14, выдръ 25 штукъ; Сибирская россомаха; помипочныхъ 19 соболей (недоимочныхъ?); 5 куницъ, 35 пупковъ собольихъ, красная недолись, 1 выдра, 3 бобра и 93 бѣлки» (стр. 89-я).

Но, очевидно, сборщики ясака не всегда придерживались установленной нормы, а кромѣ того чинили и другія утѣсненія. Такъ, напримѣръ, грамота 1625 г., помѣщенная въ „Пермской Лѣтописи“, между прочимъ, говоритъ: „воеводамъ не посылать своихъ людей съ толмачами въ ихъ волости и товары свои не обмѣнивать на ихъ рухлядь, а также насильно ихъ не крестить и изъ Сибири въ Москву не возить и въ подарки никому не посылать“ (стр. 266-я).

---

[6]) По этому можно судить, какъ Пермская губ. была богата звѣрями, а теперь бобровъ уже нѣтъ и выдры очень рѣдки.

При такомъ положеніи дѣла понятно, что среди вогулъ время отъ времени происходили «бунты»; напримѣръ, въ 1609 г. совмѣстный бунтъ вогулъ и остяковъ, и въ 1612 г.— едва ли уже не послѣдній, причемъ вогулы „хотѣли городъ (Верхотурье) сжечъ и служилыхъ людей убить и умыслили, чтобы имъ быти царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ".

Екатерина II особой грамотой отвела земли, заселенныя вогулами въ Верхотурскомъ и Чердынскомъ у.у. и въ Тобольской губ., въ ихъ пользованіе, т. е. предоставила имъ исключительное право охоты и рыбной ловли на этихъ земляхъ.

Позднѣе правительство принимало рядъ мѣръ, чтобы сдѣлать вогулъ осѣдлыми, предоставляя имъ разныя льготы. Такъ въ 1815 г. Государственный Совѣтъ постановилъ: 1) Предоставить вогуламъ свободу охоты въ казенныхъ лѣсахъ и рыбной ловли въ рѣкахъ и озерахъ; 2) надѣлить пашнями и сѣнокосами въ размѣрѣ по 30 десятинъ на душу; 3) стараться привести ихъ постепенно въ положеніе казенныхъ поселянъ и 4) не насилуя ихъ желанія и не вызывая недовольства, принять мѣры къ переходу ихъ отъ кочеванья—къ осѣдлости.

Эти намѣренія подтверждаются § 45 правилъ о межеваніи, издан. въ 1824 г., но онѣ не привели-бы къ желаемымъ результатамъ: не поддавшіеся обрусѣнію вогулы и до сихъ поръ остались кочевымъ племенемъ, игнорирующимъ пашни и сѣнокосы, что и понятно, такъ какъ земледѣліе тамъ едва ли возможно, а сѣнокосы для оленей не нужны,—но постепенная потеря земли и уменьшеніе звѣрей и рыбы поневолѣ заставили вогулъ перемѣнить образъ жизни и прійдя въ близкое соприкосновеніе съ русскимъ населеніемъ путемъ совмѣстной работы и даже браковъ[7]), ассимилироваться съ нимъ[8]).

[7]) Вогулы охотно женятся на русскихъ, но обратные случаи крайне рѣдки. Это и понятно: въ лицѣ жены—русской вогулъ пріобрѣталъ такую—же работницу, какими являются вогулки, но только болѣе культурную, болѣе развитую и чистоплотную, между тѣмъ нечистоплотности вогулки ни одинъ русскій вынести былъ-бы не въ состояніи.

[8]) Вѣроятно, обрусѣвшіе уже вогулы, но сохранившіе право платить ясакъ и положили основаніе якобы вогульскимъ поселеніямъ въ Кунгурскомъ и Красноуфимскомъ у.у., а въ Ирбитскомъ у. „Иленскіе" татары попали въ „вогулы" изъ за ясака, которымъ они платятъ свои подати, давно уже покупая шкурки звѣрей для этого на Ирбитской ярмаркѣ.